Николай КАЩЕЕВ,
директор аналитического
департамента, Промсвязьбанк

Судный день развитого потребителя

Даже спустя восемь лет после пика кризиса 2008 года в мире наблюдаются вызывающие недоумение и даже беспокойство процессы. Глобальный мировой экономический рост замедлился с 5% в среднем в 2003–2007 годах до менее чем 3% в настоящее время.

Экономика США никак не может достичь темпов роста около 3%, считающихся типичными для ее здорового состояния: ФРС ожидает рост ВВП США в 2016 году на уровне 1.8%. При этом — что особенно удивительно, принимая во внимание хайп в области инноваций, — темпы роста производительности труда также снижаются и в США, и в Китае, и в других странах. С 1995 по 2005 год средние темпы роста производительности труда в США составляли 2.2% в год, с 2005 по 2015 год — всего 0.9%, рост продуктивности труда в Китае упал ниже 4% в год, хотя до пика кризиса он держался стабильно выше 6% и превысил 10% в 2006 году.

В чем дело? Что происходит с производительностью? На это эксперты пытаются дать целый ряд ответов, начиная, например, с того, что инновации якобы распространяются в основном на технологии в сфере развлечений, а не на производительные процессы. Но так ли это на самом деле? Есть серьезные сомнения в этом отношении, так как всем хорошо известно о процессе роботизации как сферы производства, так и сферы услуг, а также, к примеру, о широком использовании трехмерной печати в производстве (в том числе сложной техники), строительстве и других отраслях.

Другой, причем самой на сегодня популярной версией причин этого разочаровывающего сценария является та, что производительность труда не растет в основном из-за изменения возрастной структуры общества — его старения. Рабочая сила сокращается, а более пожилой персонал не проявляет достаточно рвения в деле повышения эффективности труда. Однако как автоматизация и роботизация связаны с возрастом работников? Напротив, использование ИИ и роботов призвано снять проблему сжатия потенциальной рабочей силы. Как минимум.

Моим глубоким убеждением является то, что прямо сейчас, на фоне объективного замедления экономических показателей, мир находится на последних (условных) «месяцах беременности» перед серьезным технологическим прорывом. В конце концов, когда архитектура процессоров персональных компьютеров была в целом уже разработана

в начале 1970-х годов, потребовалось довольно продолжительное время, чтобы персонализация ЭВМ стала массовой и чтобы затем появились общедоступные сети, буквально изменившие наш мир, особенно, кстати, мир финансов. Мне представляется, что мы находимся как раз на заключительном отрезке накопления факторов, формирующих новый прорыв. Его главные, но не исчерпывающие составляющие: новая энергетика, биотехнологии и искусственный интеллект, включая пресловутую роботизацию, — обретают все более ясные очертания. Но вместе с ними обретают очертания риски, которые несет новая индустриальная революция — как, впрочем, и любая другая революция, подразумевающая отказ от привычек, быстрое радикальное изменение привычного хода вещей.

Пару лет назад, расшифровывая возможные будущие тренды развития глобальной экономики и общества, при этом, вопреки Н.Талебу, основываясь главным образом на цикличности экономических явлений, я наткнулся на опасный логический риф. На мой тогдашний взгляд, логика текущих событий ведет к тому, о чем с тревогой говорил некогда Хайек: капитализм постепенно изживает себя, невольно подталкивая цивилизацию в сторону социализма. Это движение, впрочем, не вполне совпадает с основной «маршрутной картой» марксизма, особенно в его вульгарной версии (ленинизм), где основным противоречием обреченного капитализма является общественный характер производства vs. частный характер присвоения его продуктов. Тут как раз уже найдены и находятся сбалансированные решения: доступ к продуктам этого самого «общественного» производства открывается через развитый рынок финансовых инструментов, прежде всего, разумеется, рынок акционерного капитала, equity. Это достаточно эффективное решение на текущий момент, при всех его специфических противоречиях. Среди последних, например, парадоксальное сближение интересов основных собственников-«капиталистов» с одной стороны и «пролетариев», ставших мелкими и, чего греха таить, формальными собственниками-миноритариями с другой: интересы и тех, и других оказался способен ущемлять новый класс, о котором Маркс еще всерьез не думал — класс наемных менеджеров. Тем не менее, в целом задачу более справедливого распределения продуктов производства эта стратегия решала. Однако опасность для либеральной экономики подкралась с другого фланга, и это — опасность серьезная.

Теперь вопрос об этом системном риске все чаще и чаще поднимается различными интеллектуалами и предпринимателями, самыми что ни на есть апологетами рыночной экономики и демократического общества.

Элон Маск: «Нам нужен базовый универсальный доход, потому что роботы заберут наши рабочие места». Моше Варди, профессор компьютерных дисциплин Университета Райс в Техасе: «Если машины способны делать почти любую работу, которую способны выполнять люди, то что будут делать люди?». Роберт Гарлик, глава глобального бизнеса в области акционерного капитала Citi: «Риск заключается в том, что увеличившееся свободное время (из-за роботизации — НК) может стать реальностью лишь для частично занятых и безработных». Согласно новой версии исследования «Технологии за работой» (совместная работа City и Оксфордского университета), в ОЭСР риску замены роботами подвержены 57% рабочих мест, а в Китае — 77%. Достаточно вспомнить недавние (весенние) события в легендарной компании Foxconn (подрядчик Apple, Samsung и др.), где на одной из ключевых фабрик из 110 тыс. человек, выступавших, по слухам, с социальными требованиями, оставили на рабочих местах лишь 50 тыс., остальных заменив роботами. По состоянию на середину 2016 года, например, около 500 фабрик в провинции Гуандунь в КНР инвестировали за полтора года почти $1.5 млрд в роботов, которые должны заменить на производстве людей.

Как в таких условиях будет расти экономика Китая, если не на внешнем спросе? Как Китай будет переходить на новую модель роста с опорой на внутреннее потребление? Возможно, такое вытеснение людей машинами будет иметь смысл на фоне сокращения рабочей силы в Китае из-за старения населения (и это еще боле актуально для стран G7), однако темпы, с которыми это вытеснение уже происходит и, видимо, будет происходить, заставляют самым очевидным образом уже сейчас беспокоиться о состоянии конечного потребления — нынешнем главном двигателе экономического роста в развитых странах. Да и не только об этом, конечно.

Совершенно ясно, что роботизация, автоматизация, вытеснение все более квалифицированных работников роботами ведет, помимо прочего, к углублению той болезни, о которой тоже стали говорить все громче в последнее время. А начали уж точно намного раньше, чем о замене людей машинами. Эта болезнь — материальное неравенство.

На самом деле, рыночная экономика сделала очень много для того, чтобы снизить огромные провалы между классами, точнее, чтобы побороть бедность. С 1820 по 2015 год доля мирового населения, живущего в абсолютной нищете (менее, чем на два постоянных доллара по паритету покупательской способности в день), упала с 94% примерно до 10%. 6.6 млрд человек из 7.4 млрд общего населения Земли в 2015 году жили вне зоны абсолютной бедности, в которой оставалось всего 706 млн человек. Из них около 260 млн человек — это население южной Азии (около 15% всего населения региона) и 390 млн — жители Африки южнее Сахары (около 40% населения региона). Нищета среди максимального числа жителей в абсолютном выражении укоренилась сегодня в Индии — примерно 220 млн человек там являются бедными, в Нигерии — около 85 млн, Конго — 55 млн, Китае — 25 млн и Индонезии — тоже 25 млн.

Несмотря на победу над бедностью, в наиболее богатых странах мира тенденции таковы: с 1985 года по 2013 год в среднем по странам ОЭСР доходы наиболее богатых граждан (10% населения) выросли в реальном выражении более чем на 50%, а 40% более бедных — чуть более чем на четверть. В среднем по ОЭСР в 2013 году верхняя дециль населения получала в 9.6 раз больше дохода, чем нижняя против 7.2 в середине 1980-х годов. Нынешняя пропорция — наивысший показатель в истории для ОЭСР. Согласно докладу этой организации, риск нищеты сдвинулся в последнее время в молодой возраст: в 2013 году доля граждан с низким доходом в возрасте от 18 до 23 лет была в 1.6 раза выше, чем в среднем по странам ОЭСР против примерно 1.2 раза в середине 1980-х годов. Напротив, доля бедных людей в возрасте 51–75 лет в 2013 году оказалась на 30 п.п. ниже среднего показателя, тогда как в 1985 году она была выше средней величины для граждан от 66 до 75 лет также примерно на 30 п.п. Между 1985 и 2013 годами более половины созданных в ОЭСР рабочих мест были временными, с частичной

занятостью или это была самостоятельная занятость (фрилансеры, индивидуальные предприниматели и т.п.). Так формируется класс, который назвали прекариатом.

Очень серьезная ситуация с неравенством в США. Послекризисное восстановление экономики страны лишь усугубило проблему: из почти 15 млн рабочих мест, созданных в США после кризиса, 13 млн приходится не на материальное производство, бывшее когда-то главным генератором среднего класса, а на относительно низкодоходные вакансии в сфере услуг. Индекс Джини, бывший в США на уровне 0.38 в 2007 году, сейчас превысил отметку 0.4. Показатель доходов верхней децили населения относится к аналогичному показателю нижней как ошеломляющие 19 к 1 — это самый высокий уровень среди стран G7 и вообще едва ли не среди всех значимых экономик мира (выше — в Мексике и Чили, немного меньше — в Турции).

Интуитивно ясно, что рост конкуренции на рынке труда и рынке продуктов и услуг ведет к еще большему расслоению по доходам: для того, чтобы получить не столь многочисленные хорошо оплачиваемые рабочие места или выиграть в жестком соревновании за потребителя, нужны особые, выдающиеся таланты или предпринимательские качества. Даже если начнет работать в полную силу распределенная экономика с ее относительно низкой планкой для желающих заниматься бизнесом и более высокими возможностями для индивидуального предпринимательства, конкуренция на рынках точно не станет ниже. Точно так же, как лишь единицы из тысяч претендентов на успех в Голливуде добиваются его в действительности, так и шанс того, что, например, ваши приложения в Apple Store или Google Play будут приносить вам серьезный доход в течение длительного времени, вряд ли намного выше, чем у начинающих рок-групп. Талантливы по-настоящему лишь избранные представители человечества, даже если инфраструктура, нужная для того, чтобы исключить по максимуму фактор везения в деле продвижения достижений на вершины хит-парадов или в рейтингах электронных магазинов, уже во многом создана и совершенствуется.

Все это создает серьезные социальные риски абсолютно нового характера. Соотношение возможности/риск, увы, сдвигается в сторону риска.

Ювал Ноах Харари, историк и социолог из Израиля, опубликовал уже два бестселлера на эту горячую тему: «Сапиенс» и «Гомо деус». По его мнению, мир движется в опасном направлении — в сторону, по сути, кастового общества, и подъем популизма в мире, от Чавеса и Мадуро в Венесуэле до Трампа в США — это ответ на ряд подобных вызовов, как в географическом разрезе, так и на социальном уровне. Автору принадлежит, в частности, и такое высказывание: «В XX веке основной задачей медицины было добиться для большинства населения определенного уровня здоровья. Это была эгалитарная задача по определению. В XXI веке медицина продолжает развитие и теперь стремится превзойти норму, чтобы помочь людям жить дольше, иметь лучшую память, лучше контролировать эмоции. Но такой «апгрейд» — это уже не эгалитарный, это элитарный проект». Например, слуховые импланты, подсоединяемые прямо к нервной системе и меняющие жизнь многих глухих людей, стоят 40 тыс. фунтов стерлингов, а генетические тесты, которые помогают назначать людям точное лечение, находятся за пределами материальных возможностей множества людей и даже целых стран, передает слова Харари газета Guardian. Богатые люди получают еще больше возможностей для увеличения своей активности и, следовательно, доходов, тогда как бедные продолжают отставать от них в жизненной гонке. Так прогресс углубляет неравенство.

Проблема понятна. Однако ни одно из исследований пока всерьез не предлагает радикальных способов избежать опасного сценария и победить или хотя бы смягчить неравенство. Например, Харари ограничивается лишь предупреждением о том, что глобальная экономика и мировое сообщество могут пойти по такому пути лишь с некой вероятностью, но почти ничего не говорит о том, как исправить ситуацию. Раз так, то выдвигаемые в разных странах механизмы гарантированного «базового дохода», о котором упоминает даже такой смелый мечтатель, как Э.Маск, остаются пока единственным доступным рецептом в этом отношении. А гарантированный доход и есть существенный элемент социализма. И вдобавок это вряд ли фундаментальное решение проблемы. Тот же Харари предупреждает о более серьезных социальных последствиях введения гарантированного дохода (то есть пособия): возможной деградации общества, в котором количество вынужденного свободного времени начинает зашкаливать для слишком многих. Это живо напоминает мне незабвенные времена советского социализма с его весьма многочисленными организациями, где рабочее время было лишь обязательной повинностью и имитацией полезной деятельности, а зарплата — практически тем самым гарантированным доходом.

СЕЙЧАС, НА ФОНЕ ОБЪЕКТИВНОГО ЗАМЕДЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, МИР НАХОДИТСЯ ПЕРЕД СЕРЬЕЗНЫМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ПРОРЫВОМ